

РЕЦЕПЦИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ

© Милеуша Хабутдинова, Чулпан Зарипова-Четин

RECEPTION OF F. M. DOSTOEVSKY IN MODERN TATAR CULTURE

Mileusha Khabutdinova, Chulpan Zaripova-Cetin

This work studies the reception of Fyodor Dostoevsky's heritage in Tatar culture. The article systematizes the material on the following topics: "Dostoevsky and Kazan" and "Dostoevsky and Tatar Literature". Our study is based on the works of the Tatar writer A. M. Gilyazov, the performances of the Menzelinsk State Tatar Drama Theater named after S. Amutbayev "Uncle's Dream" (directed by R. Ayupov, 2016) and "Crime and Punishment" (directed by I. Kazakbayev, 2021). We used the comparative and hermeneutic methods in our research.

Ayaz Gilyazov got acquainted with the work of the Russian writer during his studies at Kazan University. The epistolary legacy of A. M. Gilyazov, his diaries and literary works testify to the steady interest of the Tatar writer in the work of F. M. Dostoevsky. There are several ways of artistic reception: writing-reading, intertextuality and stylistic reception.

In 2016, the Menzelinsk State Tatar Drama Theater named after S. Amutbayev staged the play "Uncle's Dream" ("Abzyynin toshe") (directed by Rinat Ayupov). It is for the first time that the Tatar Theater has put on the work of the great Russian writer. M. Knebel and P. Markov's dramatization was translated into Tatar by A. Gafurov. R. Ayupov made adjustments to the plot of the dramatization. The ideological and artistic potential of the story was transmitted without change. This is a play about the frailty of human life and its genre is tragicomedy. In his production, R. Ayupov brilliantly realized the traditions of the carnival culture, puppet theater and vaudeville. The play uses such comic techniques as many overtaking events and tense dialogues; a dramatic effect is achieved through the compactness of action in time and space. In his performance, R. Ayupov preserves the principle of pairing of the suitors' debunking and of the key characters, he also develops the motif of sleep.

In 2021, I. Kazakbayev staged the play "Crime and Punishment" in the same theater. The scenography is based on a parallel with modernity (the theme of the "little man" in Aleksandr Solzhenitsyn's story "One Day in the Life of Ivan Denisovich"). The director reflects on the potential of the "little man", on the harsh reality that can destroy a person's soul. In the play, the theory of R. Raskolnikov is measured by a "child's tear". Adjustments have been made to the character system: the Superman, the Pioneer-Boy, the Pioneer-Girl and the Ghost have been added. In I. Kazakbayev's dramatization, the game element dominates. The theme of the card game is focused on deepening the tragic meanings of the eternal life game, into which the characters are involved. The game behavior of the characters is based on the antithesis of behavior and idea. In the performance, the "extraordinary man" game acts as a projection of the future.

Keywords: Russian-Tatar literary interrelations, Fyodor Dostoevsky, Ayaz Gilyazov, writer's library, reception of creative work

Цель работы – изучить особенности рецепции наследия Ф. М. Достоевского в татарской культуре. В статье систематизирован материал по темам «Достоевский и Казань» и «Достоевский и татарская литература». Материалом для исследования послужили произведения татарского писателя А. М. Гилязова, спектакли Мензелинского государственного татарского драматического театра имени С. Амутбаева «Дядюшкин сон» (реж. Р. Аюпов, 2016) и «Преступление и наказание» (реж. И. Казакбаев, 2021). Основные методы исследования – компаративистский и герменевтический.

А. Гилязов познакомился с творчеством русского писателя в годы учебы в Казанском университете. Эпистолярное наследие А. Гилязова, его дневники и художественные произведения свидетельствуют об устойчивом интересе татарского писателя к творчеству Ф. М. Достоевского. Художественная рецепция осуществляется в нескольких направлениях: письмо-чтение, интертекстуальность, стилистическая рецепция.

В 2016 году Мензелинский государственный татарский драматический театр им. С. Амутбаева поставил спектакль «Дядюшкин сон» («Абзыйның төше») (реж. Ренат Аюпов). Татарский театр

впервые обратился к творчеству великого русского писателя. Инсценировку М. Кнебель, П. Маркова перевел на татарский язык А. Гафуров. Р. Аюпов внес коррективы в сюжет инсценировки. Идеино-художественный потенциал повести передан без изменения. Это спектакль о бренности бытия. По жанру – трагикомедия. Р. Аюпов в своей постановке блестяще реализовал традиции карнавальная культуры, кукольного театра, водевиля. В спектакле использованы такие приемы комического, как множество настигающих друг друга событий, напряженные диалоги; драматизм достигается через сжатость действия во времени и пространстве. В спектакле Р. Аюпова сохранен принцип парности развенчания женихов, парность ключевых символов, разрабатывается мотив сна.

В 2021 г. И. Казакбаев поставил в этом же театре спектакль «Преступление и наказание». Сценография основана на параллели с современностью (тема «маленького человека» в повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»). Режиссер размышляет о потенциале «маленького человека», о том, что жестокая реальность может погубить душу человека. Теория Р. Раскольникова в спектакле измеряется «детской слезинкой». В систему персонажей внесены коррективы: добавлены Супермен, пионер, пионерка, призрак. В инсценировке И. Казакбаева господствует игровая стихия. Тема карточной игры ориентирована на углубление трагедийных смыслов вечной жизненной игры, в которую втянуты герои. Игровое поведение персонажей основано на антитезе поведения и идеи. Игра в «необыкновенного» в спектакле выступает проекцией будущего.

Ключевые слова: русско-татарские литературные взаимосвязи, Ф. М. Достоевский, А. М. Гилязов, библиотека писателя, рецепция творчества

Тема «Достоевский и Казань» не раз привлекала внимание русских литературоведов, проживающих в Татарстане. В 1970 г. увидела свет статья Ю. А. Красовского, где впервые было опубликовано письмо русского классика к жителю Казани Н. Ф. Юшкову [1]. В 1981 г. выходит статья Е. Г. Бушканца «Достоевский в Казани» [2]. В монографии Е. Г. Кузнецовой «Ф. М. Достоевский и Казань (писатель и культура русской провинции второй половины XIX – начала XX вв.)» подробно рассмотрена проблема восприятия творчества писателя казанскими читателями в первой трети XIX – начале XX века. В книге богатый библиографический список источников, связанных с именем Ф. М. Достоевского [3].

Тема «Достоевский и татарская культура» на сегодня является менее изученной. Татарские переводчики обращались к творчеству великого классика лишь дважды. В 1974 г. Р. Даутов впервые перевел на татарский язык роман «Преступление и наказание» [4]. В 2016 г. Альфир Гафуров перевел инсценировку М. Кнебель, П. Маркова «Дядюшкин сон» [5]. В 2021 г. инсценировку И. Казакбаева по мотивам романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» перевела на татарский язык Гузель Ахметгараева [6].

Среди научных работ татарских литературоведов хотелось бы особо выделить труды Ю. Г. Нигматуллиной. Так, большой интерес в России и за рубежом вызвало исследование литературоведа «Образ Магомета в системе романов Ф. М. Достоевского» [7, с. 126–133]. В 2008 г. литературовед опубликовала в монографии «Синергетический аспект в исследовании художественного творчества» итоги экспериментальной работы со студентами 3 курса КГУ «Исполь-

зование метода картограмм при изучении романа Ф. М. Достоевского „Идиот“» [8, с. 32–38, 82–88]. Помимо этого, она исследовала систему фокусов в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» [Там же, с. 25–28]. В. Р. Аминова в эстетике и миропонимании татарского писателя Г. Рахима обнаружила точки соприкосновения с литературно-психологическим опытом великого русского писателя [9, с. 339–352], выявила прогностическую направленность снов героев в романах Ф. М. Достоевского «Идиот», Г. Ибрагимов «Молодые сердца», Г. Исхаки «Нищенка» [Там же, с. 390–419]. Интересные наблюдения содержатся в трудах А. М. Саяповой ([10], [11], [12]). Ряд литературоведов занимались изучением тем «Ф. Достоевский и Х. Такташ» [13], «Ф. Достоевский и А. Гилязов» ([14], [15], [16]). Тема «Ф. М. Достоевский на сцене татарского театра» раскрыта в трудах И. Иляловой и М. Хабутдиновой [17].

Новизна данного исследования состоит в том, что выявлена роль трудов Ф. М. Достоевского в творчестве А. М. Гилязова, рассмотрена специфика сценической интерпретации романа «Преступление и наказание» на татарской сцене.

Аяз Мирсаидович Гилязов (1928–2002) – народный писатель Республики Татарстан (1993), видный татарский прозаик, драматург, публицист, лауреат Государственных премий ТАССР им. Г. Тукая (1978), РСФСР им. М. Горького (1987), лауреат литературных премий имени Гаяза Исхаки и Суббуха Рафикова. Один из тех татарских писателей, чье творчество ознаменовало собой целый этап в истории национальной литературы. А. Гилязов является заслуженным деятелем искусств ТАССР (1978), РСФСР (1985).

Впервые в руки взял томик Ф. М. Достоевского А. Гилязов еще в студенческие годы. Зимой 1946–1947 гг. он провел на родине, в деревне В. Багряж Заинского района Татарии. А. Гилязов был вынужден бросить учебу в университете, так как над ним и его друзьями нависла угроза ареста за чтение запрещенных книг. В деревне он занимался самообразованием, литературным творчеством. Брат привозил ему книги из города. Так в его руки попал роман «Преступление и наказание». В 1940-е – начале 1950-х гг. восхищаться Достоевским было не принято. Вот как описывает татарский писатель свои первые впечатления: «Эту книгу я читал с упоением, с сумасшедшим восторгом, забыв на время о сне. Я не помню, сколько раз перечитывал произведение». Читая исповедь Мармеладова, студент татарского отделения увидел перед собой миллионы своих современников, которым также было «уже больше некуда идти». А. Гилязов черпал силу и веру в себя в наследии русского классика. «Муки и слезы – ведь это тоже жизнь», «В несчастье яснее истина» – вот что он взял на вооружение у Достоевского. Эти ставшие крылатыми слова помогли ему не только пережить трудности послевоенных лет и ужасы сталинских лагерей, но и сформировать жизненное кредо [18, с. 76–77]. А. Гилязов был осужден по 58 статье и 6 лет провел в лагерях Караганды.

«Родион Раскольников, Соня Мармеладова, подобно струям воды, льющимся непрерывно из мельничного шлюза, неизменно держали меня в водовороте беспокойной мысли», – признается позднее писатель в своем автобиографическом произведении [Там же, с. 77]. Они покорили А. Гилязова силой страдания. Описывая в повести «Весенние караваны» абсурд советской действительности, А. Гилязов представляет, как рядом с его односельчанами по раскисшей дороге шагают «Родионы-Сони» [Там же]. Благодаря русскому классику, писатель понял, что способность к страданию – это способность чувствовать, двигаться вперед, а чувство счастья примиряет с действительностью – и со злом в ней. Роман постепенно стал ему дорог тем, что каждая его страница была пронизана духом протеста против государственной системы, превращающей народ в «тварь дрожащую». А. Гилязов в своих воспоминаниях признается, что «до лагеря с ума сходил по Достоевскому» [Там же, с. 184].

Это нашло отражение в литературном творчестве. Трагедию послевоенной деревни, погибающей от голода и асептической ангины, начинающий писатель «постарался зафиксировать» в новелле «Гибель гитариста» (1946) (см. подр.: [15]). Через полгода А. Гилязова вызвали на до-

прос в районное отделение министерства государственности (МГБ). Его обвинили в «очернении советской действительности» [18, с. 87]. В 1948 г. А. Гилязов восстановился в университете, на одном из заседаний литературного кружка прочитал свою новеллу. 8 апреля 1949 г. в университетской газете «Ленинец» (№12/314, 1949 г.) была опубликована статья «На неправильных позициях», в которой студента 2 курса раскритиковали за то, что в его творчестве «имеются элементы формализма и эстетства», за идейную ограниченность произведений, глубокий анализ душевных страданий героев. Это еще одно свидетельство влияния русского классика на А. М. Гилязова (см. подр.: [15], [16]).

Любовь и интерес к наследию Ф. М. Достоевского татарский писатель пронес через всю свою жизнь. Анализ художественного мира его произведений указывает на то, что А. М. Гилязов взял на вооружение традиции русской прозы. Художественная рецепция осуществляется в нескольких направлениях: письмо-чтение, интертекстуальность, стилистическая рецепция. Диалог А. Гилязова с Ф. Достоевским легко встретить на страницах повести «Один», романов «В чьих руках топор?», «Давайте помолимся!» (см. подр.: [16]).

Не секрет, что любая личная библиотека есть ценный историко-культурный источник. Произведения Ф. М. Достоевского появились в библиотеке А. М. Гилязова в период «оттепели». Круг книг заметно расширился с годами: «Братья Карамазовы» [19], «Повести и рассказы» [20], «Униженные и оскорбленные» [21], «Дядюшкин сон. Село Степанчиково и его обитатели» [22], «Бедные люди. Неточка Незванова» [23], «Подросток» [24], «Идиот» [25]. С карандашом в руках были прочитаны воспоминания о Ф. М. Достоевском и его переписка ([26], [27], [28]). Немало в библиотеке и научных монографий по Ф. М. Достоевскому: В. А. Туниманов [29], В. И. Кулешов [30], Ю. Селезнев [31], вырезок (статья Ю. Ф. Карякина, например: [32] и др.). При изучении книг мы выявили, что А. Гилязов во время чтения оставлял заметки на полях. Это ценнейший источник в плане изучения диалога татарского писателя со своим кумиром. Предметом особого восхищения А. М. Гилязова являются размышления Ф. М. Достоевского о природе национального. Особенно много пометок на полях «Записок из Мертвого дома». Так, размышления русского классика о «важно-благоклонной, то есть чисто мусульманской улыбке» сопровождает следующий комментарий: «Свет исламской веры. Он это учуял!». Порой татарский писатель полемизирует с Ф. Достоевским. Имея

за плечами опыт сталинских лагерей, А. М. Гилязов выразил сомнение в истинности следующего утверждения: «Боже мой! да *человеческое обращение* может очеловечить даже такого, на котором давно уже потускнел образ божий!», оставив пометку: «Так ли!»; на полях очень много заметок, где содержатся наблюдения писателя о лагерях, комментарии про остроги из «Мертвого дома». Изучение маргиналий позволит глубже понять мировоззрение татарского писателя, характер диалога с творчеством Ф. М. Достоевского.

Татарский театр редко обращается к наследию русского классика. Настоящий прорыв в данном направлении совершил Мензелинский государственный татарский драматический театр им. С. Амутбаева, который за последние годы дважды обращался к произведениям Ф. Достоевского. В 2016 году режиссер Ренат Аюпов поставил спектакль «Дядюшкин сон» («Абзыйнын төше»). Это было первое обращение татарского театра к творчеству великого русского писателя. Инсценировку М. Кнебель, П. Маркова [5] перевел на татарский язык А. Гафуров. Р. Аюпов, хотя и внес коррективы в сюжет, сохранил без изменений в инсценировке идейно-художественный потенциал повести. Это спектакль о бренности бытия. По жанру – трагикомедия. Р. Аюпов в своей постановке блестяще реализовал традиции карнавальской культуры, кукольного театра, водевиля. В спектакле использованы такие приемы комического, как множество наступающих друг друга событий, напряженные диалоги; драматизм достигается через сжатость действия во времени и пространстве. В спектакле Р. Аюпова сохранен принцип парности развенчания женихов, парность ключевых символов, разрабатывается мотив сна (см. подр.: [17]).

В 2021 г. в этом же театре состоялась премьера спектакля по «Преступлению и наказанию». Как считает автор инсценировки и режиссер Ильсур Казакбаев, размышляя об антитезе «необыкновенный – обыкновенный» человек, Родион Раскольников приходит к пониманию, что какая бы великая идея тебя ни вела, «право» не имеешь. Как бы парадоксально ни было, не великая идея, а искреннее сострадание дало возможность Раскольникову стать тем самым «необычным» человеком, про которого он писал в своей статье. Он смог искренне полюбить Человека, возлюбить ближнего – во все времена это станет даром только «необычных» людей [33].

Сюжет спектакля основан на параллели с советской действительностью, где «право имеющие» вершили свой эксперимент над советским «маленьким человеком», итогом которого могла

стать ссылка в трудовой лагерь или тюремное заключение. Образ бетономешалки и человека в ватнике отсылает нас к теме «маленького человека» в повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Режиссер размышляет о потенциале «маленького человека», о том, что жестокая реальность может погубить душу человека. Теория Р. Раскольников (Рустем Зиннуров) в спектакле измеряется «детской слезинкой» (Язгуль Галиева, Фагим Загриев). И. Казакбаев прибегает к параллели в системе детских образов: дети Катерины Ивановны соотносятся с пионерами из советского будущего. В систему персонажей внесены коррективы: добавлены образы Супермена, пионеров, призрака. Все это позволяет расширить хронотоп спектакля до нашей современности, выйти на философскую проблематику.

И. Казакбаев прибегает при инсценировании к приему аналитического прочтения, когда событийная рама включает не только отечественные события, но и зарубежные. Так, детская игрушка Супермен не случайно то и дело появляется в пространстве спектакля. Налицо интертекстуальное прочтение образа режиссером. Этот артефакт из мира детства современных детей отсылает нас к миру американских комиксов. Как утверждает И. Кислицын, Джерри Сигел и Джо Шустер создали этот образ для газеты, когда им исполнилось 17 лет. В своем творческом поиске оттолкнулись от работ Ф. Ницше и повести Мэри Шелли «Франкенштейн». Вдохновившись комиксом «Детектив Дэн» Нормана Марша, в середине 1930-х гг. они доработали образ супермена. Сигел и Шустер в 1938 г. в новом комиксе презентовали ставший сегодня каноническим образ Кларка [34]. Используя символику буквы S («спасение»), создатели Кларка подводят нас к выводу, что Зло в мире есть следствие нашего негативного мышления, которое отражается на наших поступках, подобие греха, что порождает преступность. Так соединяет И. Казакбаев теорию Раскольника с современными идеями, которые оказывают влияние на молодежь. В этом свете глобус в руках детей амбивалентен. В пространстве спектакля этот артефакт, заимствованный из интерьеров современных офисов, есть символ стремления к знаниям, с одной стороны, и символ власти, несущий в себе потенциал влияния на других, с другой стороны (вспомните историю с германским глобусом в Санкт-Петербурге).

Творческая энергия И. Казакбаева направлена на драматизацию конфликтов. В его инсценировке господствует игровая стихия. Тема карточной игры ориентирована на углубление тра-

гедийных смыслов вечной жизненной игры, в которую втянуты герои. Игровое поведение персонажей основано на антитезе поведения и идеи. Игра в «необыкновенного» в спектакле выступает проекцией будущего. У каждого персонажа в спектакле свой путь выживания. Сущность игры в спектакле – в преодолении, в выходе на другой уровень бытия. Сознание главного героя является призмой, где, преломляясь, проходит много смыслов, сформулированных другими персонажами. Достоевский наделяет своего героя творящим словом, и зритель становится свидетелем сотворения мира при помощи слова.

В «зеркале» Наполеона мы видим метафорические имплицитные портреты двух женщин: Катерины Ивановны и жены Шухова, которая надеется, что муж (призрак) – человек в ватнике – вернется с лесоповала, «подымутся из нищеты», «в колхоз ни ногой». У Шухова две взрослые дочери, которые в результате экспериментов «необыкновенных» вождей стали сиротами при живом отце. Сын Шухова умер в младенчестве – «зримая цена» большевистских экспериментов над деревней (коллективизация, голод и т. д.).

Диалог Мармеладова и Р. Раскольниковых выливается в спектакле в весьма экспрессивную картинку подготовки дочери к выходу на панель. Призрак Мармеладова «раздевает» пионерку-дочь. В облике Сони (Диляра Каримуллина) – куклы в руках отца и мачехи – обнаруживается внутреннее родство с Суок из «Трех толстяков» Ю. Олеши, в которой писатель выразил свое восприятие революции 1917 года. Соня помогла Родиону выбраться из мировоззренческого кризиса, вернула его в мир добра. Суок спасла от жестокости наследника трех толстяков.

По словам И. Казакбаева, образ Отца в спектакле – собирательный по своей сути. Режиссер стремился в этом образе воплотить христианское понимание Отца, вот почему Р. Бадрутдинов существует один в трех лицах. В репликах этого персонажа переплелись воедино реплики отца Р. Раскольниковых, Порфирия Петровича и других героев романа «Преступление и наказание».

Вертикальное пространство спектакля состоит из образов верхнего, среднего и нижнего (подполья) миров. Р. Раскольниковых в спектакле существует в пространстве гроба-каморки. Важное место отводится образам лестницы, двери, зеркала. Как верно подметил на обсуждении Н. Игламов, перед нами потрясающая работа сценографа и художника по свету, которые отлично передают состояние воспаленного сознания Раскольниковых. Острые углы, искаженные пропорции, низкий потолок и скошенные стены, на которые падают огромные тени в эстетике

немецкого экспрессионистского кино, как нельзя лучше передают пограничное состояние человека.

Хронотоп И. Казакбаева не столько фон, сколько значимая часть характеристики персонажей. Пространство Раскольниковых расширяется за счет портретов «необыкновенных людей», успевших реализовать жизненную стратегию в ту или иную эпоху. На наших глазах герой постоянно манипулирует картой, на которой зеркально написано 2 слова: *преступление / наказание*. В роли Джокера-зеркала выступает карта с изображением Наполеона с закрытыми глазами (метафора слепоты, заблуждения). В спектакле важное место отводится желтому цвету – знаку надрывности, болезненности, безумия, что приводит к усилению символики (доски, топор, крем для загара для Софьи Мармеладовой и др.) (худ. С. Скоморохов). Р. Раскольников разбивает свою теорию – «топор». В финале в руках остаются лишь жалкие и бесполезные куски топорща. Так подчеркнута метафорически в пространстве спектакля несостоятельность теории (см. эпилог романа «Преступление и наказание»).

На сцене есть предметы, связанные с миром детства: игрушка Супермен, глобус, мелки, воздушные шары, которые также получают символическое прочтение. Картинки и другие действия пионера и пионерки нацелены на усиление трагедийных смыслов мизансцен. Амбивалентны образы воздушных шаров, которые ассоциируются со свободой, преодолением жизненных препятствий. Попытка подчинить себя приведет к утрате легкости и свободы. Вот почему шары нет-нет и возникают в пространстве спектакля: их рисуют дети, их варварски уничтожает Раскольниковых... Все это метафорическое прочтение И. Казакбаевым темы «личность и власть». Беззащитность старухи-процентщицы и ее сестры также измеряется в спектакле «детской слезинкой». При создании этих персонажей в стилистике комикса И. Казакбаев эксплуатирует прием «детскость». Казалось бы, хрестоматийное содержание произведения всем знакомо до боли, однако тема насилия над ребенком ввергает зрителя в шок, заставляет нас увидеть в убийстве – прежде всего убийство. Мы все испытываем ужас. Из фонтана метафор, ассоциаций, интертекстуальных вкраплений проступает бессмертная мысль русского классика: любое убийство человека – ужасно!

Опосредованно проводя код «Преступления и наказания» сквозь драматургический ремейк с «Одним днем Ивана Денисовича» А. Солженицына, «Тремя толстяками» Ю. Олеши, с Суперменом Сигела и Шустера, И. Казакбаев «расши-

ряет онтологическую модель „маленького человека“ и постулирует тем самым открытую метаморфозам реальность мира вне жестких координат бытия – небытия» [35].

Ильгиз Зайниев в Набережночелнинском театре кукол поставил спектакль по мотивам повести Ф. Достоевского «Кроткая». Татарский режиссер переосмыслил произведение, выдвинул на первый план не те проблемы, которые были актуальны на момент его создания, а актуальные в свете сегодняшнего дня: «Мы не слышим друг друга! Вот об этом мой спектакль». Материал анекдотичен, перед нами на первый взгляд не разворачивается ничего значительного. Но по мере размышлений о главном герое – безымянном ростовщике, стремящемся осмыслить самоубийство жены, перед зрителем разворачивается сложный психологический пласт произведения. Двенадцать боксов напоминают нам кадры кинохроники (худ. Денис Токарев). Обрывки воспоминаний в рефлексирующем сознании переданы всполохами света в боксах. Неспособность героев выразить чувства, их внутренняя несвобода выражена через фактуру кукол. Они максимально обезличены: похожи друг на друга внешне, в движениях. Это куклы на шарнирах.

И. Зайниев вновь прибегает к своему излюбленному приему: чтобы подчеркнуть незащищенность и хрупкость героини, он эксплуатирует антитезу – над куклой на столе нависает огромная фигура актера, подсвеченная с рамп. Именно эта разница в масштабах организует угол восприятия происходящего. Цепляет метафора – очертание человека под простыней, который при ближайшем рассмотрении оказывается конструкцией из множества крохотных кукол, каждая из которых олицетворяет одно из мучительных воспоминаний. И. Зайниев продемонстрировал бережное отношение к художественному миру классика. Как и в первоисточнике, в спектакле есть недосказанность. Мы видим героя в рубежном состоянии. Ростовщик пытается сделать из Кроткой свою вещь, и кукла в данном случае – самая удачная и доступная для зрителя аллегория. На IV Межрегиональном фестивале театров кукол «Золотое колечко» спектакль удостоился двух номинаций: «Лучшая режиссерская работа», «Лучший спектакль».

Нижекамский государственный татарский драматический театр обратился к роману «Идиот». В честь юбилея классика был поставлен спектакль «Сакаллы бабай» («Бородатый дед») (инсц. Илгузара Мухамматгалиева, реж. Рустам Галиев). «Тех, кто совершенно не вписывался в общество, не участвовал в его делах, раньше называли идиотами. А кто такие „идиоты“ в совре-

менном обществе? Разве мы не сами? Путь, по которому идет общество, состоит из слов, из многочисленных идеологических заблуждений. Достоевский своим „Идиотом“ нас „бьет“, показывает нам наши же лица. Все мы умные, разумные, образованные. Слов много говорим, да мало делаем. В мелких словах топим большие дела. Даже любовь людей превращается в сплошную пустую болтовню. Снижение нравственных и духовных ценностей тоже происходит не без нашего участия», – гласит аннотация к спектаклю, который, к сожалению, нам посмотреть пока не удалось. Спектакль принимал участие в XXV Международном театральном фестивале Ф. М. Достоевского в Нижнем Новгороде.

Татарская культура нечасто обращается к наследию Ф. М. Достоевского. Русский классик для татарского читателя – писатель-провидец, философ, психолог, глубоко раскрывший «глубины души человеческой», совершивший прорыв в освоении мусульманской идентичности. Знакомство с его произведениями усилило в творчестве татарских деятелей культуры роль социальных мотивировок в обрисовке персонажей.

Список источников

1. Красовский Ю. А. Казанский корреспондент Ф. М. Достоевского (Неопубликованное письмо к Н. Ф. Юшкову) // Встречи с прошлым. Вып. 1. М: Советская Россия, 1970. С. 47–50.
2. Бушканец Е. Г. Достоевский в Казани // Вечерняя Казань. 1981. № 237.
3. Кузнецова Е. Г. Ф. М. Достоевский и Казань (писатель и культура русской провинции второй половины XIX – начала XX вв.). Казань: Отечество, 2015. 120 с.
4. Достоевский Ф. М. Жинаять һәм жәза / Р. Даутов тәрж. Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. 689 б.
5. Кнебель М. О. Дядюшкин сон: Пьеса в 3 актах / Инсценировка М. Кнебель, П. Маркова; Отв. ред. М. Светлакова. М.: ВУОАП, 1972. 89 л.
6. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание (реж. И. Казакбаев). URL: <https://rus.minzlateatr.ru/inayat-m-za/> (дата обращения: 25.10.2021).
7. Нигматуллина Ю. Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур. Казань: Фэн, 1997. 190 с.
8. Нигматуллина Ю. Г. Синергетический аспект в исследовании художественного творчества. Казань: Фэн, 2008. 93 с.
9. Аминова В. Р. Типы диалогических отношений между национальными литературами. Казань: изд-во Казанского гос. ун-та, 2010. 476 с.
10. Саянова А. М. «Три речи в память Достоевского» В. Соловьева в свете его нравственной философии // Тезисы докладов научной конф. студентов и препод. вузов ТАССР. Казань: Казанский авиац. ин-т, 1991.

11. Саяпова А. М. Ф. М. Достоевский и его последователи о русской идее // XXI зональная научная конференция литературоведческих кафедр университетов и пед. институтов Поволжья (13–15 мая 1994 г.). Тверь: ТГУ, 1995. С. 29–30.

12. Саяпова А. М. История русской литературы последней трети XIX века // Материалы для практических занятий для студентов факультета русской филологии. Казань: КГПУ, 2001. 18 с.

13. Хабутдинова М. М. Новаторство Х. Такташа в «Трагедии Сынов Земли» // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2015. № 2 (40). С. 270–274.

14. Шагахметов З. Мотив жертвенности: Достоевский и А. Гилязов // Итоговая научно-образовательная конференция студентов КГУ за 2005 г. Казань, 2005. С. 73–74.

15. Хабутдинова М. М. Роль Ф. М. Достоевского в формировании мировоззрения А. М. Гилязова // Вестник ТГГПУ. 2011. № 4 (26). С. 258–265.

16. Хабутдинова М. М. Топос Казани в творчестве А. М. Гилязова // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2012. № 4 (45). С. 136–141.

17. Илялова И., Хабутдинова М. М. Своеобразие сценической интерпретации повести Ф. М. Достоевского на татарской сцене // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2016. № 4 (45). С. 179–183.

18. Гыйләжәв А. Йәгез, бер дога! Роман-хатирә. Казан: Тат. китап. нәшр., 1997. 448 б.

19. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.: Художественная литература, 1972. 536 с.

20. Достоевский Ф. М. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1979. 494 с.

21. Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные. М.: Московский рабочий, 1981. 352 с.

22. Достоевский Ф. М. Дядюшкин сон. Село Степанчиково и его обитатели. и др. Л.: Лениздат, 1982. 443 с.

23. Достоевский Ф. М. Бедные люди. Неточка Незванова. М.: Правда, 1981. 384 с.

24. Достоевский Ф. М. Подросток. М.: Советский писатель, 1979. 477 с.

25. Достоевский Ф. М. Идиот. М.: Советская Россия. 1981. 592 с.

26. Достоевская А. Г. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1981. 578 с.

27. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1964.

28. Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская. Переписка. М.: Наука, 1979. 481 с.

29. Туниманов В. А. Творчество Достоевского, 1854–1862. Л.: Наука, 1980. 296 с.

30. Кулешов В. И. Жизнь и творчество Ф. М. Достоевского. Очерк. М.: Детская литература, 1979. 206 с.

31. Селезнев Ю. И. В мире Достоевского. М.: Современник, 1980. 376 с.

32. Карякин Ю. Ф. «Я видел истину...» // Огонек, 1981. № 46. С. 14–15.

33. Достоевский Ф. М. Жинаять һәм жәза (И. Казакбаев инсц.) / А. Әхмәтгалиева тәрж. // М. Хәбетдинова архивы. Кулъязма. 12 б.

34. Кислицын И. Образ Супермена и его эполюция в комиксах. URL: <https://kanobu.ru/articles/istoriya-supermena-i-evolyutsiya-ego-obraza-373644/> (дата обращения: 25.10.2021).

35. Поимцева О. О. Рецепция Ф. М. Достоевского в современной русской драматургии. URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Felib.bsu.by%2Fbitstream%2F123456789%2F235080%2F1%2F%25D0%259F%25D0%25BE%25D0%25B8%25D0%25BC%25D1%2586%25D0%25B5%25D0%25B2%25D0%25B0.docx&wdOrigin=BROWSELINK> (дата обращения: 12.09. 2021).

References

1. Krasovskii, Iu. A. (1970). *Kazanskii korrespondent F. M. Dostoevskogo (Neopublikovannoe pis'mo k N. F. Yushkovu)* [F. M. Dostoevsky's Correspondent from Kazan (An Unpublished Letter to N. F. Yushkov)]. *Vstrechi s proshlym*. Vyp. 1, pp. 47 – 50. Moscow, Sovetskaya Rossiya. (In Russian)

2. Bushkanets, E. G. (1981). *Dostoevski v Kazani* [Dostoevsky in Kazan]. *Vecherniaya Kazan'*, No. 237. (In Russian)

3. Kuznetsova, E. G. (2015). *F. M. Dostoevski i Kazan' (pisatel' i kul'tura russkoi provintsii vtoroi poloviny XIX — nachala XX vv.)* [Dostoevsky and Kazan (the writer and culture of the Russian province of the second half of the 19th-early 20th centuries)]. 120 p. Kazan', Otechestvo. (In Russian)

4. Dostoevski, F. M. (1974). *Жинаiat hem жеza* [Crime and Punishment]. R. Dautov tardzemasi. 689 p. Kazan, Tatar kitap neshriati. (In Tatar)

5. Knebel', M. O. (1972). *Dyadiushkin son* [Uncle's Dream]. Text: P'esa v 3 aktah. Instsenirovka M. Knebel', P. Markova; otv. red. M. Svetlakova. 89 p. Moscow, VUOAP. (In Russian)

6. Dostoevskii F. M. *Жинаiat hem жеza* [Crime and Punishment] URL: <https://rus.minzალateatr.ru/inayat-m-za/> (accessed: 25.10.2021). (In Tatar)

7. Nigmatullina, Iu. G. (1997). *Tipy kul'tur i tsivilizatsii v istoricheskom razvitiitatarskoi i russkoi literatur* [Types of Cultures and Civilizations in the Historical Development of Tatar and Russian Literature]. 190 p. Kazan', Fen. (In Russian)

8. Nigmatullina, Iu. G. (2008). *Sinergeticheskii aspekt v issledovanii khudozhestvennogo tvorchestva* [The Synergetic Aspect in the Study of Artistic Works]. 93 p. Kazan', Fen. (In Russian)

9. Amineva, V. R. (2010). *Tipy dialogicheskikh otnoshenii mezhdunatsional'nymi literaturami* [Types of Dialogical Relations between National Literatures]. 476 p. Kazan, izd-vo Kazanskogo gos. un-ta. (In Russian)

10. Saiapova, A. M. (1991). *“Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo” V. Solov'eva v svete ego npravstvennoi filosofii* [“Three Speeches in Memory of Dostoevsky” by V. Solovyov in the Light of His Moral Philosophy]. *Tezisy dokladov nauchnoi konf. studentov i prepod. vuzov TSSR*. Kazan', Kazanskii aviats. in-t. (In Russian)

11. Sayapova, A. M. (1995). *F. M. Dostoevsky i ego posledovateli o russkoi idее* [Dostoevsky and His Follow-

ers on the Russian Idea]. XXI zonal'naia nauchnaia konf.literaturovedcheskih kafedr un-ov i ped in-ov Povolzh'ia (13 – 15 maia 1994 g.). Tver', TGU, pp. 29 – 30. (In Russian)

12. Sayapova, A. M. (2001). *Istoriya russkoi literatury poslednei treti XIX veka* [The History of Russian Literature of the Late 19th Century]. Materialy dlia prakticheskikh zaniatii dlia studentov fakul'teta russkoi filologii. 18 p. Kazan', KGPU. (In Russian)

13. Khabutdinova, M. M. (2015). *Novatorstvo H. Taktasha v "Tragedii Synov Zemli"* [Hadi Taktash and His Innovations in "The Tragedy of the Sons of the Earth"]. *Philology and Culture*. No. 2 (40), pp. 270 – 274. (In Russian)

14. Shagiahmetov, Z. (2005). *Motiv zhertvennosti: Dostoevski i A. Giliyazov* [The Motif of Sacrifice: Dostoevsky and A. Gilyazov]. Itogovaia nauchno-obrazovatel'naia konferentsiia studentov KGU za 2005 g. Kazan', pp. 73-74. (In Russian)

15. Khabutdinova, M. M. (2011). *Rol' F. M. Dostoevskogo v formirovanii mirovozzreniia A. M. Giliyazova* [The Role of F. M. Dostoevsky in the Formation of A. M. Gilyazov's Worldview]. *Vestnik TGGPU*, No. 4 (26), pp. 258 – 265. (In Russian)

16. Khabutdinova, M. M. (2012). *Topos Kazani v tvorchestve A. M. Giliyazova* [Topos of Kazan in the Works of A. M. Gilyazov]. *Philology and Culture*, No. 4 (45), pp. 136 – 141. (In Russian)

17. Iialova, I., Khabutdinova, M. M. (2016). *Svoeobrazie scenicheskoi interpretatsii povesti F. M. Dostoevskogo na tatarskoi stsene* [The Features of the Stage Adaptation of the Story "Uncle's Dream" by F. M. Dostoevsky on the Tatar Stage]. *Philology and Culture*, No. 4 (45), pp. 179 – 183. (In Russian)

18. Giliyazov, A. (1997). *Iagez, ber doga! Roman-hatira* [Let's Pray! A Novel-Memory]. 448 p. Kazan, Tatar kitap neshriiati. (In Russian)

19. Dostoevski, F. M. (1972). *Bratia Karamazovy* [The Brothers Karamazov] 536 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

20. Dostoevski, F. M. (1979). *Povesti i rasskazy* [Novels and Short Stories]. 494 p. Moscow, Khudozhestvennaia literetura. (In Russian)

21. Dostoevski, F. M. (1981). *Unizhennye i oskorblennye* [Humiliated and Insulted]. 352 p. Moscow, Moskovskii rabochii. (In Russian)

22. Dostoevski, F. M. (1982). *Diadiushkin son. "Selo Stepanchikovo i ego obitateli" i dr.* [Uncle's Dream. The Village of Stepanchikovo, etc]. 443 p. Leningrad, Lenizdat. (In Russian)

23. Dostoevski, F. M. (1981). *Bednye liudi. Netochka Nezvanova* [Poor Folk. Netochka Nezvanova]. 384 p. Moscow, Pravda. (In Russian)

24. Dostoevski, F. M. (1979). *Podrostok* [The Adolescent]. 477 p. Moscow, Sovetskii Pisatel'. (In Russian)

25. Dostoevski, F. M. (1981). *Idiot* [The Idiot]. 592 p. Moscow, Sovetskaia Rossiia. (In Russian)

26. Dostoevskaia, A. G. (1981). *Vospominaniia* [Memoirs]. 578 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

27. *Dostoevski v vospominaniiah sovremennikov* (1964) [Dostoevsky in the Memoirs of His Contemporaries]. V 2 t. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

28. *F. M. Dostoevski, A. G. Dostoevskaia. Perepiska* (1979) [F. M. Dostoevsky, A. G. Dostoevskaia. Correspondence]. 481 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

29. Tunimanov, V. A. (1980). *Tvorchestvo Dostoevskogo, 1854 – 1862* [Dostoevsky's Works, 1854 – 1862]. 296 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

30. Kuleshov, V. I. (1979). *Zhizn' i tvorchestvo F. M. Dostoevskogo. Ocherk* [The Life and Work of F. M. Dostoevsky. An Essay]. 206 p. Moscow, Detskaia literatura. (In Russian)

31. Seleznev, Iu. I. (1980). *V mire Dostoevskogo* [In the World of Dostoevsky]. 376 p. Moscow, Sovremennik. (In Russian)

32. Kariakin, Iu. F. (1981). "Ja videl istinu..." ["I Saw the Truth"]. *Ogonek*, No. 46, pp. 14–15. (In Russian)

33. Dostoevski, F. M. (2021). *Zhinaiat hem zheza* [Crime and Punishment] (I. Kazakbaev's instsenirovkasi, A. Ahmetgalieva tardzemasi). 12 p. M. Khabutdinova arhivy. Kuliuzma. (In Tatar)

34. Kislitsin, I. *Obraz Supermena i ego evoliutsiia v komiksah* [The Image of Superman and His Evolution in Comics]. URL: <https://kanobu.ru/articles/istoriya-supermena-i-evolyutsiya-ego-obraza-373644/> (accessed: 25.10.2021). (In Russian)

35. Pointseva, O. O. *Retseptsiya F. M. Dostoevskogo v sovremennoi russkoi dramaturgii* [Reception of F. M. Dostoevsky in Modern Russian Drama]. URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Felib.bsu.by%2Fbitstream%2F123456789%2F235080%2F1%2F%25D0%259F%25D0%25BE%25D0%25B8%25D0%25BC%25D1%2586%25D0%25B5%25D0%25B2%25D0%25B0.docx&wdOrigin=BROWSELINK> (accessed: 12.09. 2021). (In Russian)

The article was submitted on 14.11.2021
Поступила в редакцию 14.11.2021

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
mileuscha@mail.ru

Khabutdinova Milyausha Mukhametsyanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
mileuscha@mail.ru

Зарипова-Четин Чулпан,
кандидат филологических наук,
доцент,
Кавказский университет,
36000, Карс, Турция,
chulpancetin@gmail.com

Chulpan Zaripova-Cetin,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kafkas University,
36000, Kars, Turkey,
chulpancetin@gmail.com